

УДК 33

Эволюция отношения британских деловых кругов к перспективам инвестиций в российскую промышленность

Бурукина Ольга Алексеевна

Кандидат филологических наук, доцент,
старший исследователь,
Университет Ваасы,
65200, Finland, Vaasa, Wolffintie, 34;
email: obur@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу изменения отношения британских деловых кругов к возможностям инвестирования в российскую промышленность в период с 1892 по 1914 гг. На основе анализа британской прессы, финансовой и художественной литературы выявлены основные факторы, обуславливающие указанные изменения, а именно увеличение потока британских прямых инвестиций в российскую горнодобывающую промышленность. Автором выявлено противоречие между значимостью экономической политики С.Ю. Витте для привлечения британского капитала и реальными экономическими стимулами, мотивировавшими британских капиталистов. Переход от консервативного мышления британских фирм-производителей к более гибкому мышлению британских ресурсодобывающих компаний после экономического спада и заключения англо-русского договора 1907 г. свидетельствует о значительных изменениях в восприятии российского правительства и российского рынка британскими бизнес-структурами и британским обществом в целом. Таким образом, инвестиционные решения британских компаний не были напрямую связаны с новой политикой российского правительства, проводимой им после 1906 года: большинство инвестиций, произведенных британскими компаниями во второй фазе развития интереса британского бизнеса к российскому рынку, были сосредоточены в областях с высокой прибылью, гарантированной обилием природных ресурсов и недостатком внутреннего капитала.

Для цитирования в научных исследованиях

Бурукина О.А. Эволюция отношения британских деловых кругов к перспективам инвестиций в российскую промышленность // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2018. Том 8. № 12А. С. 460-469.

Ключевые слова

Британский бизнес, инвестирование, царское правительство, законность, прибыльность, изменение отношения к России.

Введение

Приток иностранного капитала в Россию в 1890-х годах обычно связывают с политикой Министра финансов Сергея Витте, направленной на поощрение иностранных инвестиций в период с 1892 по 1903 г. и включавшей в себя тарифную реформу и правительственные меры по достижению золотого стандарта. В результате, по общим оценкам, иностранные инвестиции в Россию увеличились с 214,7 млн. руб. в 1890 г. до 911 млн. руб. в 1900 г. и к началу I Мировой войны достигли 2 млрд. руб. [McKay, 1974, 345].

Однако в данной статье будет показано, что экономические стимулы, предлагавшиеся российским правительством, лишь отчасти привлекали иностранные компании в российскую деловую среду, и что наряду с этим политическим курсом произошло столь же важное изменение в отношениях между российским правительством и иностранными деловыми кругами. Это изменение происходило постепенно с 1892 по 1914 г., когда российское правительство придерживалось правовых норм при рассмотрении деловых интересов иностранных компаний, несмотря на соблюдение значительной преемственности в общей структуре российского коммерческого права.

Особенности инвестирования британских компаний в Россию

Более тщательный анализ структуры британских прямых инвестиций в Россию в 1892–1914 гг. показывает, что они определялись не только политикой С.Ю. Витте, т. к. они демонстрируют достаточно выраженное несоответствие экономической политике России. Основной приток британских инвестиций в российскую промышленность начался с 1900 г., и тогда же британские компании стали использовать в России более современные финансовые структуры, в т. ч. официально зарегистрированные на бирже акционерные общества, отказываясь от традиционных финансовых структур и моделей управления семейного типа [McKay, 1970, 25].

Эти модели существенно отличаются от моделей французских инвестиций, объем которых значительно увеличился лишь после 1894 года в ответ на промышленный бум во Франции и политические стимулы Русско-французского союза 1891 г.

Модель британских инвестиций не соответствует и циклу экономического развития России, поскольку период с 1900 по 1906 г. ознаменовался значительным спадом в российской промышленности, особенно в добывающих отраслях, в которые в основном и направлялся британский капитал. В период значительного притока британских инвестиций в Россию англо-русские отношения еще не улучшились – вплоть до завершения Русско-японской войны в 1905 г. [Falkus, 1970, 70].

Поскольку британские инвестиции в Россию были чувствительны к изменениям, выходящим за рамки макроэкономической политики царского правительства, конкретных экономических циклов и развития дипломатических отношений, они представляют собой важную составляющую для изучения отношений российского правительства с иностранными промышленными кругами и, в конечном итоге, отношения британского общества к Российской империи.

Увеличение экспорта британского капитала за границу

Как показывает нижеследующий обзор литературы, до 1900 г. британские товаропроизводители, экспортировавшие в Россию или создававшие там свои представительства, обладали хорошим знанием российского рынка и имели усиливающиеся

связи с российским правительством. Британские компании, как правило, осуществляли инвестиции на основе имевшихся у них ранее торговых отношений с Россией и проявляли большую склонность, чем их международные партнеры к тому, чтобы осуществлять управленческий контроль над своими инвестициями.

Примерно с 1900 г. привлекательность инвестирования в российскую промышленность для британских компаний основывалась, прежде всего, на предположении, что возврат от инвестиций в Россию в целом будет выше, чем прибыль от экспорта в эту страну.

В современной научной литературе распространено мнение, что такое предположение часто основывалось на предыдущем опыте экспорта британской продукции на российский рынок, а также тем фактом, что британский капитал одновременно «вытеснялся» из Великобритании низкими внутренними доходами и «переманивался» за границу обещанием получения высокой прибыли в менее развитых странах [Stone, 1999, 29].

Теория «выталкивающих» факторов (то есть стимулирующих освоение новых рынков) была переоценена исследователями М. Ротой и Ф. Шеттио, обнаружившими, что британские прямые инвестиции за рубежом были более тесно связаны с падением ВВП в Великобритании, чем портфельные инвестиции за границу, оставаясь в рамках установившейся схемы международной торговли, что влекло за собой в значительной степени предвзятое отношение к преимуществам рентабельности того или иного места региона размещения капитала [Rota, Schettio, 2011, 47-69].

Инвестиционная модель британского капитала в Россию до 1900 г.

Исследования инвестиционных решений британских транснациональных корпораций до 1914 г. показали, что до 1900 г. имевшаяся у компаний предварительная информация о целевом рынке являлась определяющим фактором для принятия инвестиционных решений [Magee, 2010, 182].

С 1880 г. британские производственные компании обычно следовали модели входа на иностранный рынок, в соответствии с которой компании для обеспечения надлежащего снабжения и повышения эффективности сначала посылали своих представителей («коммерческих путешественников») для получения информации о конкретном рынке, последующего открытия филиалов и, в конечном итоге, создания производственных предприятий.

Указанная модель также применима к британским торговым домам, которые в исследуемый период диверсифицировали свои интересы в производственных и добывающих отраслях и пользовались полученными ранее знаниями о зарубежных рынках и контактами с владельцами ресурсов, полученными в предыдущих проектах по финансированию торговли и отправке товаров морскими судами, для создания зарубежных предприятий в России. Особого преимущества добилась небольшая группа британских торговых домов во главе с Кэттли (Cattleys), а также торговые дома других семей, таких как Хаббарды (Hubbards) и Казалет (Cazalets) [McKay, 1970, 8].

В своем исследовании Дж. МакКей показал значимость пропаганды российского правительства, которая способствовала формированию благоприятного инвестиционного образа России, необходимого для принятия положительных инвестиционных решений иностранными транснациональными корпорациями, что, в свою очередь, способствовало

формированию ожидания потенциально высоких прибылей, получаемых иностранными компаниями в России [там же].

Однако исследование Ф. Карстеном истории британских предприятий, специализировавшихся на текстильной промышленности и сельскохозяйственном машиностроении, указывает на то, что компании расширили свою производственную деятельность в России с целью эксплуатации рынков, известных им ранее, а не благодаря стимулирующей деятельности царского правительства [Carsten, 1983, 158].

Н. Гурушина и И. Поткина утверждают, что деятельность британских предприятий, действовавших в указанный период в России во всех отраслях и во всех организационных формах, являлась логичным результатом давних торговых связей с Россией [Gurushina, Potkina, 1997, 107–108].

В исследовании Г. Джоунса также подчеркивалось, что многие казавшиеся независимыми британские компании, развивавшие свой бизнес в России, зачастую являлись представителями более крупных инвестиционных групп и развивали лишь один из аспектов предпринимательской деятельности этих групп, ранее созданных вокруг активно работавших судовладельческих или торговых компаний, уже имевших налаженные отношения с российским рынком [Jones, 1998, 345].

Эта же модель применялась и в нефтяной промышленности. Хотя британский капитал в больших объемах начал входить в российские нефтяные месторождения лишь около 1900 г., связи британских компаний с российскими нефтедобытчиками в таких областях экономики, как судоходство и закупки значительно предшествовали этой дате [Jones, 1991, 53].

Внеэкономические факторы изменения восприятия российского рынка

Хотя формирование подобных ожиданий и принятие решений на основе предыдущего опыта можно было рассматривать как норму в деятельности британских компаний в России, другие исследования доказывают, что важную роль в инвестиционных решениях британских компаний сыграло более широкое восприятие британским обществом принимающей страны – России.

В соответствии со сравнительно недавно сложившимся подходом к изучению инвестиционных решений британских компаний на фоне информационной асимметрии, роль британской прессы в передаче важных новостей о политических событиях в принимающей стране играла важную роль в принятии инвестиционных решений, и негативные отзывы прессы нередко уменьшали объемы британского капитала, вывозимого в страну [Magee, 2010, 188].

В силу произошедших в последние годы значительных изменений восприятие России британским обществом в рассматриваемый период привлекло внимание научного сообщества. В частности, Нильсон в своем исследовании выявил, что для британских приключенческих и шпионских романов конца XIX века характерной чертой являлась повторяющаяся тема произвола в отношении иностранных шпионов русского государственного режима, который в принципе изображался как *противоположность всему английскому* [Neilson, 1995, 91].

В XIX в. в британской литературе закрепились определенные клише, такие как тесная ассоциативная связь между жестокой царской пенитенциарной системой и Сибирью [Collins,

1996, 207]. Хотя терроризм в Великобритании и считался противозаконным, из-за репрессивного характера российского государственного режима в британском обществе были отмечены симпатии по отношению к действиям русских анархистов [Hughes, 2011, 263].

В политическом отношении Россия рассматривалась в противопоставлении британским ценностям, и налаживание более тесных отношений с Россией после Русско-японской войны принималось в штыки радикальной частью Либеральной партии, продемонстрировавшей в политических настроениях после восхождения на престол Александра III определенную антироссийскую тенденцию [Hughes, 2014, 33].

В других исследованиях было выявлено некоторое улучшение восприятия России британским обществом в рассматриваемый период. В то время как всплеск популярности экспортируемой русской культуры в этот период вполне мог совпадать с повышенным интересом к России представителей высшего общества, литература о путешествиях представляла собой более широкое переосмысление России: например, в книгах Стивена Грэма, в первую очередь в «Неоткрытой России», основное внимание уделялось основополагающему благочестию русского крестьянина в отличие от традиционного для более ранних записок британских путешественников всеобъемлющего внимания к царской тирании [там же].

Однако на основе проведенных исследований как негативных, так и позитивных британских стереотипов о России трудно выявить мнение британских инвесторов о России, помимо утверждения Нильсона о том, что образ России в восприятии этой группы стал более позитивным после того, как в Россию в 1908 г. был направлен коммерческий атташе, и была основана Англо-российская торговая палата [Neilson, 1995, 102].

Другие исследования в отношении прямых инвестиций Великобритании в Россию выявили негативные взгляды британских деловых кругов по отношению к российской экономической среде, которые могут быть классифицированы по проблемам, обусловленным российской правовой системой. Практически не выявлено взаимосвязи между подобным отношением и более распространенным среди широкой британской общественности мнением о русском произволе и дикости.

Исследуя деловые интересы британских компаний в азиатской части России, Уайт пришел к выводу, что британские деловые круги упустили значительную коммерческую выгоду из-за пренебрежительного отношения к возможностям инвестировать в российскую экономику, возникшего в результате путаницы, возникшей из-за ряда запретительных законов и вводящих в заблуждение действий российской администрации на местах, что отличается от господствовавшей ранее концепции, что российские власти действовали вопреки принципу верховенства закона по аналогии с действиями либеральных противников российского государственного режима в Великобритании [White, 1989, 68].

После революционных волнений 1905–1907 гг. в формате взаимодействия российского правительства с британскими деловыми кругами произошли существенные изменения, однако в британском обществе не было гомогенности в отношении к России. Многие члены британского либерального правительства, особенно радикалы, считали, что сложившееся отношение недемократического российского правительства к своим гражданам затрудняло развитие дипломатических отношений между Великобританией и Россией.

Тем не менее, в британских деловых кругах появилось мнение, признававшее перспективность новых возможностей, которые Россия предлагала для зарубежных

коммерческих инвестиций, что привело к переоценке взаимоотношений российского правительства с иностранным бизнесом. Такая переоценка российской бизнес-среды была представлена в книге Г. Вильямса «России россиян», в которой автор утверждал, что российская бизнес-среда модернизируется и что государственные закупки железных дорог сделали многое для обеспечения стабильности в российской деловой среде [Williams, 2015].

Аналогичное мнение еще более четко сформулировано в книге «Новая эра России» Р.Дж. Барретта, опубликованной в 1908 г., которая, как представляется, была написана главным образом для того чтобы ослабить опасения британских инвесторов по поводу отношения российского правительства к иностранным бизнес-интересам. Автор книги приводит примеры различных британских компаний из разных отраслей промышленности, сообщавших о хороших взаимоотношениях с российским правительством [Barrett, 1908]. Так, в качестве одного из многочисленных примеров Р.Дж. Барретт ссылается на американскую компанию J.F. Cummings & Co., прокладывавшую подземную телефонную сеть в Санкт-Петербурге, по свидетельству которой в отношениях с российским правительством и деловыми кругами у нее не возникло никаких трудностей: российское правительство выплатило указанную в контракте сумму полностью и своевременно [Barrett, 1908, 74].

Таким образом, к концу первого десятилетия XX в. отношение российского правительства к иностранным компаниям больше не изображалось как произвольное, а как соответствующее международным правовым нормам. Российские законы стали более понятными, и британские компании приобрели большую уверенность в последовательной реализации своих бизнес-планов. Отношение российского правительства также изображалось теперь как более доброжелательное по отношению к британским предприятиям. Примечательно, что эти представления не имели ничего общего с отчетами о прибыльности российских компаний и были в основном сосредоточены на том, что российское правительство не выступает в качестве препятствия для размещения иностранных инвестиций.

Позитивное мнение о прибыльности российских предприятий тесно связано с вхождением британских компаний в горнодобывающую и нефтяную промышленность Сибири и Баку. До 1900 г. в России с успехом действовало немало британских компаний, поскольку участие британского бизнеса в указанных отраслях значительно возросло уже к концу 1890-х гг., а после затишья в результате промышленной депрессии в России экспоненциально увеличилось после 1906 г.

Таким образом, британское восприятие прибыльности России как перспективного рынка размещения иностранного капитала в целом соответствует модели, согласно которой британский капитал вытеснялся из Великобритании ситуацией с низкими процентными ставками, возникшей в результате перенасыщения рынка капиталом, в страны с большим количеством необработанных природных ресурсов и недостатком капитала – такие как Россия [Cotrell, 1975, 27].

Важно отметить негативное влияние Буржуазной революции 1905 г. на восприятие прибыльности России британскими деловыми кругами. Два года беспорядков в промышленности, последовавшие за революцией 1905 г., и сопутствующие им проблемы на Кавказе подорвали уверенность британских инвесторов в надежности российского рынка. Британская финансовая пресса в то время была наполнена удручающими новостями о падении акций российских промышленных компаний [The Times, 1905, 1906, 1907], и эта ситуация на

бирже негативно отразилась на целом ряде публикаций о доходности зарубежных инвестиций в российскую промышленность.

Заметим, что в своем исследовании ситуации в России «Будущее России», опубликованном в 1907 г., Р. Мартин утверждал, что рост акций российских предприятий и государственных облигаций связан с поведением зарубежных покупателей, которые ошибочно полагали, что революция 1905 г. подошла к концу. Автору было очевидно, что революционные волнения в России создали негативную деловую среду и не обеспечивали достаточный уровень безопасности для зарубежных инвестиций [Martin, 1907].

Заключение

В результате проведенного исследования были выявлены значительные изменения в российской экономической политике и режима функционирования иностранных компаний после промышленного спада 1900–1904 гг. До этого периода российское правительство при Министре финансов С.Ю. Витте пыталось привлечь британский капитал в Россию, используя систему индустриализации и предлагая систему особых уступок и привилегий британским компаниям. В то же время для защиты своих геополитических и материальных интересов российское правительство действовало, по мнению британских исследователей, произвольно и порой с нарушением международного права.

Проведенный нами анализ эволюции восприятия российского правительства и российской деловой среды британскими деловыми кругами и британской общественностью показал следующее: до 1900 г. российское правительство изображалось как автократическое и произвольно использующее любые средства в достижении своих интересов в отношениях с иностранными бизнес-интересами. Эти представления имели много общего с восприятием России широкой британской общественностью того времени.

Структура британских инвестиций изменилась после 1900 г.: во второй фазе эволюции интереса британского бизнеса к российскому рынку британские компании преимущественно отдавали предпочтение областям (в первую очередь Кавказу и Сибири), не связанным с более ранними торговыми российско-британскими отношениями. Высокие темпы экспансии в Сибири при значительной удаленности этого региона указывают на существенные изменения в том, как британские инвесторы оценивали безопасность инвестирования в российский горнодобывающий рынок.

В то же время объемы инвестиций в более традиционные области британского предпринимательства стали намного ниже, что, с одной стороны, объясняется расширением деятельности британских компаний на Кавказе и в Сибири, а с другой – потерей производителями британских товаров российского рынка в конкурентной борьбе с немецкими и американскими производителями, что вызывало серьезную озабоченность и британских дипломатов, и британской финансовой прессы.

Переход от консервативного мышления британских фирм-производителей к более гибкому мышлению британских ресурсодобывающих компаний после экономического спада и заключения англо-российского договора 1907 г. свидетельствует о значительных изменениях в восприятии российского правительства и российского рынка британскими бизнес-структурами и британским обществом в целом.

Таким образом, инвестиционные решения британских компаний не были напрямую связаны с новой политикой российского правительства, проводимой им после 1906 года: большинство инвестиций, произведенных британскими компаниями во второй фазе развития интереса британского бизнеса к российскому рынку, были сосредоточены в областях с высокой прибылью, гарантированной обилием природных ресурсов и недостатком внутреннего капитала.

Библиография

1. Гурушина Н., Поткина И. Английские капиталы и частное предпринимательство // Бovyкин Б. (ред). Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. М.: РОССПЕН, 1997. 321 с.
2. Barrett R.J. Russia's New Era: Being Notes, Impressions and Experiences Personal, Political, Commercial and Financial of an Extended Tour in the Empire of the Tsar. London: Financier and Bullionist Ltd, 1908.
3. Carsten F. Foreign Participation in Russian Economic Life: Notes on British Enterprise, 1865–1914 // Guroff G., Carsten F. (eds.) Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union. Princeton: Princeton University Press, 1983.
4. Collins D. British Interest and Interests in Siberia, 1900–1922 // Revolutionary Russia. 1996. Vol. 9. No. 2. P. 206-233.
5. Cotrell P. British Overseas Investment in the Nineteenth Century. London: Macmillan, 1975. P. 27.
6. Falkus M. The Industrialization of Russia, 1700–1914. London: Macmillan, 1970.
7. Hughes M. British Opinion and Russian Terrorism in the 1880's // European History Quarterly. 2011. Vol. 41. P. 255-277.
8. Hughes M. Beyond Holy Russia: The Life and Times of Stephen Graham. Cambridge: Open Book Publishers, 2014.
9. Jones G. The State and the Emergence of the British Oil Industry. London: Macmillan, 1991.
10. Jones G. British Overseas Banks as Free-standing Companies, 1830-1996. The Free-Standing Company in the World Economy, 1830–1996. Oxford: Oxford University Press, 1998.
11. Magee G. Empire and Globalisation: Networks of People, Goods and Capital in the British World, 1850–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
12. Martin R. The Future of Russia. London: Smith, Elder & Co., 1907.
13. McKay J. Pioneers for Profit. Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialisation, 1885–1913. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
14. McKay J. Foreign Enterprise in Russian and Soviet Industry: A Long-Term Perspective // BHR. 1974. Vol. 48. No. 3.
15. Neilson K. Britain and the Last Tsar: British Policy and Russia, 1894–1917. Oxford: Clarendon Press, 1995.
16. Rota M., Schettio F. The Long-run Determinants of British Capital Exports, 1870–1913 // Financial History Review. 2011. Vol. 18. No. 1. P. 47-69.
17. Stone I. The Global Export of Capital from Great Britain, 1865-1914, A Statistical Survey. Basingstoke: Macmillan, 1999.
18. The Times, 16 December 1905, 'Continental Bourses', 12; 17 May 1906, 'Continental Bourses', 12; 17 June 1907, 'Continental Bourses', 14.
19. White C. British Business in Russian Asia Since the 1860s: An Opportunity Lost? // Davenport-Hines R., Jones G. (eds.) British Business in Asia Since 1860. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
20. Williams H. Russia of the Russians. New York: Charles Scribner's Sons, 1915.

Evolution of the British businesses' attitudes to investment prospects in the Russian industries

Ol'ga A. Burukina

PhD in Philology, Associate Professor,
Senior researcher,
University of Vaasa,
65200, 34 Wolffintie, Vaasa, Finland;
email: obur@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of changes in the attitude of the British business community to the possibilities of investing in the Russian industry in the period from 1892 to 1914. Based on the analysis of the British press, financial and fiction literature, the main factors determining these changes, namely the increase in the flow of British direct investments in the Russian mining industry, are identified. The author reveals a contradiction between the significance of the economic policy of S.Yu. Witte to attract British capital and real economic incentives that motivated the British capitalists. The transition from conservative thinking of British manufacturing firms to more flexible thinking of British resource companies after the economic downturn and the conclusion of an English-Russian agreement of 1907 indicates significant changes in the perception of the Russian government and the Russian market by British business structures and the British society as a whole. Thus, the investment decisions of British companies were not directly related to the new policy of the Russian government pursued by them after 1906: the majority of investments made by British companies in the second phase of developing British business interest in the Russian market were concentrated in areas with high profits guaranteed by abundance natural resources and lack of domestic capital.

For citation

Burukina O.A. (2018) Evolyutsiya otnosheniya britanskikh delovykh krugov k perspektivam investitsii v rossiiskuyu promyshlennost' [Evolution of the British businesses' attitudes to investment prospects in the Russian industries]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 8 (12A), pp. 460-469.

Keywords

British business, investments, tsarist government, lawfulness, profitability, changed attitudes to Russia.

References

1. Barrett R.J. (1908) *Russia's New Era: Being Notes, Impressions and Experiences Personal, Political, Commercial and Financial of an Extended Tour in the Empire of the Tsar*. London: Financier and Bullionist Ltd.
2. Carsten F. (1983) *Foreign Participation in Russian Economic Life: Notes on British Enterprise, 1865–1914*. In: Guroff G., Carsten F. (eds.) *Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union*. Princeton: Princeton University Press.
3. Collins D. (1996) *British Interest and Interests in Siberia, 1900–1922*. *Revolutionary Russia*, 9, 2, pp. 206-233.
4. Cotrell P. (1975) *British Overseas Investment in the Nineteenth Century*. London: Macmillan.
5. Falkus M. (1970) *The Industrialization of Russia, 1700–1914*. London: Macmillan.
6. Gurushina N., Potkina I. (1997) *Angliiskie kapitaly i chastnoe predprinimatel'stvo* [English capitals and private entrepreneurship]. In: Bovykin B. (ed.) *Inostrannoe predprinimatel'stvo i zagranichnye investitsii v Rossii* [Foreign entrepreneurship and foreign investment in Russia]. Moscow: ROSSPEN Publ.
7. Hughes M. (2011) *British Opinion and Russian Terrorism in the 1880's*. *European History Quarterly*, 41, pp. 255-277.
8. Hughes M. (2014) *Beyond Holy Russia: The Life and Times of Stephen Graham*. Cambridge: Open Book Publishers.
9. Jones G. (1991) *The State and the Emergence of the British Oil Industry*. London: Macmillan.
10. Jones G. (1998) *British Overseas Banks as Free-standing Companies, 1830-1996. The Free-Standing Company in the World Economy, 1830–1996*. Oxford: Oxford University Press.
11. Magee G. (2010) *Empire and Globalisation: Networks of People, Goods and Capital in the British World, 1850–1914*. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Martin R. (1907) *The Future of Russia*. London: Smith, Elder & Co.
13. McKay J. (1970) *Pioneers for Profit. Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialisation, 1885–1913*. Chicago: University of Chicago Press.
14. McKay J. (1974) *Foreign Enterprise in Russian and Soviet Industry: A Long-Term Perspective*. *BHR*, 48, 3.

-
15. Neilson K. (1995) *Britain and the Last Tsar: British Policy and Russia, 1894–1917*. Oxford: Clarendon Press.
 16. Rota M., Schettio F. (2011) The Long-run Determinants of British Capital Exports, 1870–1913. *Financial History Review*, 18, 1, pp. 47-69.
 17. Stone I. (1999) *The Global Export of Capital from Great Britain, 1865-1914, A Statistical Survey*. Basingstoke: Macmillan.
 18. *The Times*, 16 December 1905, 'Continental Bourses', 12; 17 May 1906, 'Continental Bourses', 12; 17 June 1907, 'Continental Bourses', 14.
 19. White C. (1989) British Business in Russian Asia Since the 1860s: An Opportunity Lost? In: Davenport-Hines R., Jones G. (eds.) *British Business in Asia Since 1860*. Cambridge: Cambridge University Press.
 20. Williams H. (1915) *Russia of the Russians*. New York: Charles Scribner's Sons.